

ПАРУС В СТИХИИ ЯЗЫКА

В. Шаповалов

Я обращаюсь с требованием веры...
М. Цветаева.

Первичная форма всякой книги, одна из начальных ее манифестаций – выразить Личность при помощи Языка. Каждая книга – подсознательно создаваемый словарь проблемы. В этом смысле и важна предлагаемая Вам, дорогой Читатель, книга – один из словарей эпохи: словарь индивидуально-авторской фразеологии М. Цветаевой. Книга, которую Вы, Читатель, откроете, в свою очередь откроет Вам многое. И прежде всего расскажет о взаимоотношениях двух систем разума – о сложном взаимном бытии Поэта и Языка.

Язык является инструментом Поэта – или же (парадокс, но парадокс кажущийся!) Поэт является инструментом Языка?

С беспощадной точностью сформулировал здесь суть проблемы в своей нобелевской речи И. Бродский, но Марина Ивановна Цветаева, коей не довелось писать нобелевских выступлений, этот вопрос поставила много раньше – и отвечала на него в течение всей своей долгой, мучительной и радостной поэтической жизни, точнее – не “в жизни”, но “самою жизнью”.

Мы постоянно (сколько бы ни предупреждали себя и ни одергивали читательское сопереживание) ошибаемся, принимая лирического героя за двойника поэта. И ошибка эта по-своему прекрасна. Сама природа художественного творчества способствует такой прямолинейности, и потому, погрузившись в иллюзорный мир поэзии, читатель забывает об изначальности иллюзии, ибо за ней еще изначальнее, еще “первичнее” стоит некая общая реальность в основе иллюзорного, казалось бы, бытия. “Искусственность” – и “искусство”: два этих смысла не случайно заключены в общую оболочку. Непосредственность читателя не есть его недалекость, она – его изначальная отзывчивость, отзвук бытия Вавилонской башни, когда все до конца понимали друг друга... Духовная отзывчивость есть, скорее, свойство большой души – чуткой, сострадательной, способной к сопереживанию. Недаром же со свойственной великому дару спо-

собностью к отклику и пониманию говорил о непосредственном восприятии А. Пушкин: “Над вымыслом слезами обольюсь...”.

Некая “очарованность” художественным миром, придуманным художником, будто бы застилает истинный (назовем его грубо и неточно: биографический) облик автора. Лирическое *alterego*, отражающееся в зеркале непосредственного текста стихотворения, еще более глубоко и отчетливо запечатлевается в зазеркалье Языка. И вот тут оно может многое поведать о страстях, якобы стабильно бушующих в душе поэта.

И все это – Язык... Более того, если поэзия как высший род литературы, требующий особого подхода к слову, особого проникновения в звучащую и значащую материю слова организует индивидуально-авторский стиль, то этот стиль как некая мета-целостность осуществляется и в прозаическом дискурсе поэта, и в его стихах. Так – у Марины Цветаевой. Она продуцирует собственные индивидуально-авторские фразеологизмы. Они чрезвычайно разнообразны, механизмы их декодирования различны. Индивидуально-авторские фразеологизмы М. Цветаевой могут рассматриваться как точки существования ее сознания на карте мира человеческой культуры во всем ее целостном эволюционном охвате. Это и кальки с немецкого, английского, французского, это перифразы русских фразеологизмов, пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний, трансформация концептуальных понятий посредством их неожиданного соседства, это новая подача значимых понятий европейской, а в особенности, античной культуры.

И тогда пластический, предметный, событийный, детальный облик (кстати, со всеми подробностями личной биографии), который, обычно, растворяется, остается за границами собственно художественного познания – не утрачивается. Он, увы, целиком и полностью принадлежащий миру реальному, со временем становящемуся историей, сохраняется, прежде всего, в неповторимости язы-

ка, и, в частности, – его волшебного калейдоскопа фразеологии. И хоть история не бывает “личной” (она всегда – Всеобщая, и, тем не менее, без компонента личной истории художника невозможно говорить ни о чем общем), она ею становится: Время – обезличивает, Искусство – восстанавливает черты лица, Нефертити – оживает.

История жизни М. Цветаевой, со всеми подробностями личных деталей – больших и маленьких, может быть воссоздана не только на основании поэтического творчества, но – на основании Языка. Иными словами, облик поэта обретает четкость очертаний во многом благодаря изучению богатого прозаического наследия М.И. как адресанта времени: воспоминаний, писем, дневников. Эти поистине бесценные источники и работают именно как машина времени; вспомним “Вино из одуванчиков” Бредбери – там старый полковник, помнящий о битвах гражданской войны, становится живой машиной времени в восприятии очарованных его рассказами мальчиков. У Цветаевой, как у всякого большого художника, этой машиной времени становится и ее искусство, и вся фоновая языковая информация: “когда б вы знали, из какого сора растут стихи”, как сказала ее современница...

Таково, к примеру, эпистолярное наследие, открывающее в часто непринужденной, “не причесанной” фразе частицу языкового космоса поэта и высвечивающее реалии его жизни. (Правда, следует отдать должное той бесспорной и ныне безвозвратно утраченной культуре письма, которая существовала до внедрения хотя бы телефона.). Читатель становится участником переписки, свидетелем встреч, расставаний, событий, снимается дистанция иллюзорного, художественного мира, в частности, перед нами предстает поэт в своем “реальном” облике человека своей эпохи, своего круга, симпатий и надежд, личностных – и не всегда приятных – человеческих черт... Мы видим его таким, каким его видели и знали современники, мы узнаем, что любила М. Цветаева, и что она не любила. У такой масштабной человеческой личности, как она, середины не было: письма открывают с предельной откровенностью ее душевный мир. Если поэтическое слово по своей изначальной природе – выдуманно, то письмо как часть диалога – ценно невыдуманностью. Здесь важно качество искренности (но и ложь кодируется как “минус-искренность” и может многое рассказать о субъекте).

Искренность, как одно из характернейших свойств М. Цветаевой, присуща каждой строчке ее прозаического наследия. Она предельно точ-

на в характеристиках событий, ситуаций, людей, о которых пишет своим собеседникам. В ее письмах (а она переписывается с Б. Пастернаком, Р.-М. Рильке, М. Волошиным и десятками других людей, среди которых видные представители эпохи и культуры) отразился мир и люди – такими, какими их видела Цветаева. Поэтический дар М. Цветаевой и в этой сфере ее жизни проявляется совершенно оригинально. Погружение в квинтэссенцию языка, каковым является фразеологизм, всегда дает особенное ощущение свежести восприятия. Этим и ценен словарь индивидуально-авторской фразеологии М. Цветаевой.

Знать язык – значит не просто знать и воссоздавать потенциал его лексики, грамматики, нормативной стилистики, но и уметь пользоваться громадным фразеологическим пластом. Известно, что фразеология – самая сокровенная, самая интимная часть языка, в которой отражена картина мира народа – его быт и история, суеверия и мифы, психический склад и характер, поведение и традиции.

Авторский словарь, предлагаемый Читателю, дает не только информацию о значении фразеологизма, но и прямые указания о том, с какой целью, с какой стилистической окраской, эмоционально-экспрессивной оценкой использован данный фразеологизм. На обширном иллюстративном материале показано функционирование фразеологизмов с учетом различных способов трансформации.

Словарь, таким образом, кроме основного методического аспекта, преследует и другие цели: через его иллюстративную часть фиксируются различные семантико-стилистические потенциалы фразеологии, что дает ценный материал для исследования языка прозаических текстов. Словарная разработка индивидуально-авторских употреблений фразеологизмов поможет тоньше оценить художественное мастерство писателей, проявляющееся в творческом использовании языка.

Давайте же писать слово Язык с большой буквы. Где-то оно адекватно слову Демиург; во всяком случае, Язык в нас – есть реализация разума, а источником и синонимом разумного, одухотворенного начала всегда был Создатель.

Так что же, Язык ли является инструментом Поэта – или Поэт не более и не менее как инструмент Языка?

На многие оттенки смысла в этом трансцендентальном вопросе призвана пролить свет книга Натальи Шевченко “Словарь индивидуально-авторской фразеологии М. Цветаевой”. Погрузитесь в ее мир, Читатель!..